

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

Борис Илизаров

ИОСИФ СТАЛИН

АСТ
МОСКВА

УДК 929(47+57)Сталин
ББК 63.3(2)6-8Сталин
И 43

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена никаким методом без предварительного письменного разрешения владельцев авторских прав.

Илизаров, Борис Семенович.

И 43 Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого / Б.С. Илизаров. – Москва: АСТ, 2015. – 736 с. [16 вкл.] : ил. – (Тайны лидерства).

ISBN 978-5-17-085888-0

Иосиф Сталин – человек, во многом определивший историю России и всего мира в XX столетии. Николай Марр – создатель «нового учения о языке» или яфетологии.

О чем задумывались оба этих человека, глядя на мир каждый со своей точки зрения? Ответ на этот и другие вопросы раскрывает в своих исследованиях доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института российской истории РАН Борис Илизаров. Под одной обложкой издаются две книги: «Тайная жизнь И.В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма» и «Почетный академик И.В. Сталин и академик Н.Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных». В первой книге автор представляет читателям моральный, интеллектуальный и физический облик И.В. Сталина, а вместе с героями второй книги пытается раскрыть то глубокое значение для человечества, которое таит в себе язык.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 929(47+57)Сталин
ББК 63.3(2)6-8Сталин**

ISBN 978-5-17-085888-0

© Илизаров Б.С.
© Институт российской истории РАН
© ООО Издательство АСТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
-----------------------	---

Книга первая. ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ СТАЛИНА (По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма)

Предисловие к первому изданию	9
«Пролог», он же «Эпилог»	12

Раздел I. Портрет героя	45
Глава 1. Опорные точки портрета	45
Глава 2. Болезни, смерть и «бессмертие»	83
Глава 3. Профиль на фоне библиотеки, архива и посмертной суеты	110
Глава 4. Душа Кобы подлинного	152
Глава 5. Женщины Кобы	206

Раздел II. Потаенные «диалоги» Сталина с классиками художественной литературы	266
Глава 1. «Под розой», или художественная литература в зеркале сталинской сексуальности и философии жизни	266
Глава 2. Размышления по поводу помет Сталина на страницах романа Л.Н. Толстого	289
Глава 3. Сталин и Достоевский	311
Заключение. О воскресении Григория Отрепьева в личине генерального секретаря	343
Философия возвращения	350
Обаяние зла: от культа живой личности к культу мертвой личности Сталина	356

Книга вторая. ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК И.В. СТАЛИН И АКАДЕМИК Н.Я. МАРР (О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных)

Глава 1. О Начале начал	373
Глава 2. Схождение линий жизни Марра и Сталина (линия Марра)	394
Глава 3. Кавказ как центр мироздания	434
Глава 4. Схождение линий жизни Марра и Сталина (линия Сталина)	465
Глава 5. Расхождение. Подготовка к дискуссии	521
Глава 6. Дискуссия	562
Глава 7. Сталин «Относительно марксизма в языкознании»	594
Глава 8. Откровения корифея языкознания	628
Глава 9. Языки и мышление	657
Глава 10. Послевкусие от дискуссии	692
Вместо заключения: О понимании (астрально-лингвистическая сказка).	713

Примечания	721
-----------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под одной обложкой издаются две книги: «Тайная жизнь И.В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма» и «Почетный академик И.В. Сталин и академик Н.Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных». Я благодарен судьбе и издательству за то, что еще при жизни увижу обновленное издание. Обновленное не в том смысле, что пересмотрел взгляды на сталинскую эпоху и историю России XX века. Несмотря на то что через обе книги проходит один и тот же герой, в них рассматриваются взаимосвязанные, но разные проблемы. В первой книге анализируются скрытые душевные и моральные изломы сталинской природы как части его биографии; вторая книга в большей степени посвящена истории интеллекта, причем в той области, в которой Сталин считал себя первым из наипервейших, то есть в области национального вопроса, языка и связанных с ними политических и культурологических проблем. Но и первая, и вторая книги не только о Сталине, его эпохе и людях, на жизнь и судьбу которых он повлиял, они о всех нас (включая Сталина, конечно), вынужденных с момента рождения и до момента смерти стоять перед выбором добра или зла. Государственный деятель, как любой человек, родившейся на Земле, не свободен от этого судьбоносного и для себя, и для страны выбора. Мне кажется, что это новый, точнее – основательно забытый аспект для современной исторической науки. Сразу после выхода в свет первой книги в 2002 г. я стал получать различные отклики. Но и положительные, и отрицательные рецензии за редким исключением¹ были поверхностны, а потому – малопродуктивны, и только в последние годы я ознакомился с мнениями, касающимися самого существа поднимаемых в книге вопросов.

Патриарх современной русской литературы Даниил Гранин в одном из интервью поделился такими соображениями:

«(Корреспондент) – Как в нескольких словах вы можете охарактеризовать личность Сталина?»

– Знаете, у меня в этом плане разные были периоды: до и после XX съезда, где разоблачили все жестокости Сталина и особенно “Ленинградское дело”, с которым немного столкнулся, но потом убедился, что все тут гораздо сложнее. В каком смысле? Ну, вот хотя бы в том, что Иосиф Виссарионович очень любил и знал литературу, много читал... Есть замечательные исследования на этот счет, в частности, историк Борис Илизаров изучал пометы, сделанные Сталиным на полях книг...

– ...красным карандашом?

– Нет, разноцветными. Все эти надписи: “Так его!”, “Куда ж податься?”, “Неужели и это тоже?”, “Это ужасно!”, “Выдержим” – примечательны тем, что отражают неподдельное чувство читателя. Тут нет никакой показухи, ничего, рассчитанного на публику (кстати, эту читательскую реакцию хорошо показал в “Евгении Онегине” Пушкин).

Так вот, судя по тому, как Илизаров описывает сталинские пометы на “Воскресении” Толстого, на “Братьях Карамазовых” Достоевского, на произведениях Анатоля Франса и так далее, вождь был не просто книгочеем, а вдумчивым читателем, который все как-то усваивал, переживал, хотя на него это не действовало.

– **Злодеем он все-таки был?**

– Ну, объяснение это слишком простое – налицо невообразимая, чудовищная извращенность. Понимаете, Толстой, Достоевский – это же величайшие гуманисты, человековеды, никто лучше их о проблемах совести и добра не писал, но вот на Кобе это никак не сказывалось. Облагораживающее влияние литературы, искусства, о котором мы так любим рассуждать, здесь заканчивалось – он приезжал в свой кремлевский кабинет...

– **...и напрочь забывал Толстого и Достоевского...**

– ...и подписывал расстрельные списки на сотни человек, причем не абстрактных, а тех, которых знал, с кем дружил».

А вот прямо противоположное мнение Юрия Емельянова, журналиста, не поленившегося написать толстую книжку, посвященную «разоблачениям» антисталинистских высказываний, начиная с Троцкого, Хрущева, Горбачева, многих известных российских и зарубежных историков, публицистов XX века, апофеозом которых стала, как утверждает автор, моя книга:

«Пожалуй, наиболее ярким примером морального и интеллектуального падения антисталиниста стала книга Бориса Илизарова “Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива”. Спору нет, Илизаров заведомо взялся за трудное дело: попытаться истолковать характер Сталина и раскрыть его мысли, разбирая пометки, которые тот оставлял на полях книг. Однако к книгам из сталинской библиотеки был допущен человек, явно не способный понять ни смысл сталинских пометок, ни содержание произведений, которые комментировал Сталин.

Сообщая, что он пять лет бился над расшифровкой помет Сталина на нескольких десятках книг, Илизаров лишь расписался в своей интеллектуальной беспомощности....

Но возможно, что Илизаров кое-чего добился бы в своих трудах, если бы не его позиция. Провозгласив принцип “эмоционально высвеченной научной истории”, Илизаров с первой же страницы книги не скрывает своей ненависти к Сталину», и т.д., и т.п.

Читатель сам может судить о том, что в писаниях Емельянова правда, а что завистливая пропагандистская чепуха. Хочу также обратить внимание на то, что я опирался не только на многочисленные сталинские пометы, но и на ранее неизвестные материалы из личного архива Сталина и документы других архивов.

Если книга «Тайная жизнь И.В. Сталина» выходит очередным, фактически седьмым изданием и я вижу ее наконец-то завершенной, то книгу «Почетный академик И.В. Сталин «за» и «против» академика Н.Я. Марра» я все еще не считаю законченной. Любое историческое сочинение должно оканчиваться открытым финалом, но совсем не для того, чтобы идущий вслед коллега-историк подхватил начатый разговор. Н. Карамзин не следовал за древнерусскими летописцами или историками XVIII в., С. Соловьев не продолжил «Историю» Н. Карамзина, а В. Ключевский – сочинения С. Соловьева и т.д. Каждый историк создает свой мир, свой образ прошлого, поверх образа, созданного предшественниками, иногда грандиозный и завораживающий, а нередко убогий и мало кому интересный. Но ни в том, ни в другом случаях они не перечеркивали предшественников – они всегда рядом и отдельно. Только читатель решает, кто и как надолго останется в числе писателей истории на будущее. Поэтому я стараюсь прислушиваться к его мнению и тогда, когда книга еще лежит в рукописи, и в особенности тогда, когда ее тираж разошелся. Читатель всегда прав. Только благодаря ему книги Карамзина, Соловьева, Костомарова и еще некоторых отечественных авторов до сих пор живы, т.е. читаются и переживаются людьми, а сотни имен и тысячи исторических сочинений, особенно советской эпохи, канули в безвестность. Так что читатель всегда прав... Нет... не всегда. Не прав в том случае, когда выступает в роли доносчика.

Тот, кто помнит советскую жизнь и политическую терминологию, сразу смекнет, к кому обращается цитируемый ниже автор и зачем. Вот как бойко доносит на меня и моих коллег, на коллектив академического журнала, на академический исследовательский институт, наконец, на Академию наук в целом один из рецензентов второй книги: «Вызывает неподдельное удивление тот факт, что как во времена Марра, так и сегодня яфетидология находит свое пристанище в Академии наук. Об этом свидетельствуют не только гриф «Российская академия наук. Институт российской истории» и положение автора книги. Важнее другое: на обороте титульного листа не просто указаны рецензенты, но и выражается «искренняя благодарность коллегам, взявшим на себя труд прочитать эту книгу в рукописи», это семь ученых, из которых шестеро – доктора исторических наук, ведущие научные сотрудники ИРИ РАН. Символично, что они дали санкцию на издание книги после того, как публикация в журнале «Новая и новейшая история» (орган РАН и Института всеобщей истории РАН) удостоилась серьезной критики; таким образом, Б.С. Илизаров не только не изменил своим методам, но и получил, как видим, полную поддержку ведущего центра РАН в области отечественной истории»².

После такого «аргумента» все остальные замечания критика перестали что-либо значить. Но благодаря ему и другим, более серьезным и уравновешенным рецензентам удалось исправить много неточностей³. Как жаль, что даже в начале XXI в. в новой России околонучные круги не гнушаются стилем доноительства.

Январь 2015 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
СТАЛИНА**

**ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО БИБЛИОТЕКИ И АРХИВА.
К ИСТОРИОСОФИИ СТАЛИНИЗМА**

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.С. Лельчук*,
доктор исторических наук *А.П. Ненароков*

Издание шестое

Памяти отца посвящаю

Но очнулись, пошатнулись,
Переполнились испугом,
Чашу, ядом налитую, приподняли над землей
И сказали: – Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.

Иосиф Сталин

(перевод с грузинского Ф. Чуева)

Человек иль злобный бес
В душу, как в карман, залез,
Наплевал там и нагадил,
Все испортил, все разладил
И, хихикая, исчез.
Дурачок, ты всем нам верь, –
Шепчет самый гнусный зверь, –
Хоть блевотину на блюде
Поднесут с поклоном люди,
Ешь и зубы им не щерь.

Федор Сологуб

Я перед вами ничего не утаю: меня ужа-
снула великая праздная сила, ушедшая наро-
чито в мерзость.

Федор Достоевский

*(из подготовительных материалов
к роману «Бесы»)*

Каждый из нас, человеческих существ,
есть один из бесчисленных экспериментов...

Зигмунд Фрейд.

Леонардо да Винчи. Воспоминание детства

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Перед вами первая часть давно задуманной книги о душевном, интеллектуальном и физическом облике И.В. Сталина, человека, во многом определившего историю России и всего мира в XX веке. Практически все, что здесь изложено, написано на основании новых или малоизвестных источников.

Хочу предупредить – в книге читатель встретится с незнакомым Сталиным. Кому привычен давно сложившийся положительный или резко негативный образ этого человека, лучше книгу не открывать, чтобы не тревожить душу сомнениями. В то же время я совершенно не стремился занять как бы «третью», среднюю позицию, когда, «с одной стороны», мой герой «то-то и то-то делал и мыслил положительное», а «с другой – то-то и то-то... отрицательное». Я рассматриваю фигуру Сталина без «священного» трепета и не менее «освященного» ернического пренебрежения. Для меня Сталин, недавно по историческим меркам сошедший с мировой арены, – старший современник, с которым я ныне знаком пусть и опосредованно, через источники и документы, но гораздо основательнее, чем если бы это произошло непосредственно при знакомстве, в реальной жизни.

Теперь я знаю – Сталин был гораздо проще, приземленнее, а иногда, как человек, воспитанный в определенной среде и действовавший при определенных исторических условиях, – вульгарнее, примитивнее, глупее, коварнее и злее, чем об этом повествовали мало что знавшие, а главное – мало что смевшие и желавшие знать его соратники и современники и некоторые мои современники, сталинские апологеты. В то же время это была натура гораздо более сложная, противоречивая, разносторонняя и незаурядная, чем о нем пишут другие наши современники, пережившие «культ личности», его разоблачение и настороженно отслеживающие каждую попытку его исторической реабилитации. Более основательно познакомившись с некоторыми ранее скрытыми сторонами сталинской натуры, эту настороженность считаю вполне оправданной. Убежден – к Сталину, к сталинизму как явлению всемирно-исторического масштаба следует относиться чрезвычайно серьезно, не менее серьезно, чем к Гитлеру и нацизму. Так же серьезно, как к Сталину относились все знаменитые его современники – от Троцкого и Черчилля до Рузвельта и того же Гитлера.

О Сталине написано огромное количество работ. Помимо широко известных, разноплановых монографий и исследований Л. Троцкого, А. Ав-

торханова, Д. Волкогонова, Р. Такера, Р. Слассера, Д. Ранкур-Лаферриера, А. Антонова-Овсеенко, Р. Медведева, Э. Радзинского, Е. Громова, Н. Яковлева, М. Вайскопфа, ежегодно выходят десятки менее значительных книг и у нас, и в особенности за рубежом. «Сталиниана», начавшаяся с середины 20-х годов XX столетия, сейчас насчитывает многие сотни, даже тысячи работ и документальных публикаций самого различного жанра и качества. Сама по себе литература о Сталине давно должна была бы стать темой самостоятельного историографического исследования. Чтобы не увязнуть в ней, я решил не выделять специального историографического раздела, так как работы, вышедшие о Сталине при его жизни, рассматривая в качестве важнейших источников, раскрывающих процесс формирования историософии сталинизма. Все, что выходило при его жизни в стране, и большую часть того, что издавалось за рубежом, он лично контролировал и часто выступал как соавтор и вдохновитель своих «биографий» и исследований о себе. Заслуживающие доверия работы, вышедшие после его смерти, цитируются в соответствующих местах.

Ясно, что в условиях столь мощного потока публикаций и эмоционального противостояния не просто найти точный аспект в раскрытии личности Сталина, отстаивать собственный взгляд на результаты его интеллектуальной и душевной деятельности. Но я и не претендую на открытие «объективной», беспристрастной и безоговорочно приемлемой для всех истины. Первоначально научная «истина» всегда очень личностна и эмоционально субъективна, поскольку она принадлежит только тому, перед кем раскрылась, или тому, кто ее обнаружил. И лишь в том случае, если кто-то помимо первооткрывателя принимает ее, истина объективируется, то есть становится истиной для многих, может быть, для очень многих, но никогда – для всех. На каждый закон, даже физический закон Ньютона, найдется свой ниспровергатель, свой Эйнштейн, а на него – еще кто-то, опровергающий и дополняющий казалось бы незыблемые постулаты. Тем более если речь идет об истине в исторической науке, где безраздельно господствует мнение. Однако, даже будучи относительной, истина (как и истинное мнение) таит в себе огромные и очень конкретные силы.

* * *

На протяжении 1998—2002 годов в научных и научно-популярных изданиях, в периодических изданиях России и за рубежом я публиковал отдельные разделы и фрагменты этой работы. Не все они вошли в книгу. Однако то, что ранее было опубликовано, а теперь вошло в книгу, было в значительной степени переработано, расширено и уточнено.

Многим своим коллегам я благодарен за товарищескую критику, облегчившую постановку основных идей. В первую очередь я вспоминаю ныне покойных Ю.С. Борисова и В.П. Дмитренко, несколько лет назад поддержавших общее направление этого исследования. Особая благодарность А.Н. Сахарову, одобрявшему в начале работы ее «сталинскую» и историософскую направ-

ленность. Без ценнейших консультаций бывшего заведующего библиотекой ИМЭЛ при ЦК КПСС, а ныне коллеги по Центру истории отечественной культуры Института российской истории РАН Ю.П. Шарапова работа выглядела бы намного беднее. Я благодарю коллег, взявших на себя труд прочесть книгу в рукописи и высказавших о ней свое мнение: Т.Ю. Красовицкую, А.В. Голубева, Ю.А. Тихонова, В.А. Неvejeина, В.Д. Есакова, А.Е. Иванова, А.П. Богданова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить немецкого исследователя Дитриха Байрау.

Много лет я работаю в читальном зале Российского государственного архива социально-политической истории (РГА СПИ). Благодарю работников архива за постоянные и ценнейшие консультации. Хочу выразить благодарность М.В. Страхову, чьи уникальные знания о фондах архива не раз облегчали поиск необходимой информации.

На протяжении 2000 года в журнале «Новая и новейшая история» публиковались обширные фрагменты монографии. Инициатива этих публикаций принадлежала главному редактору журнала Г.Н. Севостьянову, которому я особенно благодарен за столь действенную поддержку. Считаю своим долгом поблагодарить и сотрудницу журнала Г.Г. Акимову, осуществившую значительную редакторскую работу над текстами статей. В переводах текстов, напечатанных на грузинском языке, неоценимую помощь оказал Нугзар Шария.

Без двух близких людей, неизменно поддерживавших меня, эта работа вряд ли бы состоялась. Это – историк и архивист А.В. Доронин и С.Е. Кочетова – моя жена и самый строгий критик.

2002 г.

«ПРОЛОГ», ОН ЖЕ «ЭПИЛОГ»

Почему «пролог», а не – «введение»?

Именно с «пролога» начинается эта «Книга в книге». В центре обеих книг – Сталин, но в одной из них он конкретный, живой человек, а в центре другой – историческая личность. Я не берусь судить о том, где заканчивается одна книга и начинается другая.

«Введение» в современном историческом труде – это традиционная форма заявления автора о намерениях, а главное – представление доказательств своего профессионального трудолюбия. Еще со времен Средних веков в западноевропейской гуманитарной науке сложились обязательные формы ученических и школярских трудов, без зачета которых не принимали в цех мастеров. В советское время такие работы сознательно превратили в формальный канон гуманитарного сословия, вне зависимости от того, принадлежит ли труд ученику, подмастерью или мастеру. Все ходили в школярах, все были учениками очередного вождя, как величайшего «Мастера». Сталин первым назвал себя «мастером», «мастером от революции»¹.

В этой книге «Пролог» – нечто вроде сеней в деревенском доме. Это переход совместно с читателем из открытого, по существу, космического пространства всеобщей жизни в обособленный, суженный мир одного общества, одной семьи, одного человека, переход, который уже отделяет нас от внешнего и бесконечно открытого, но еще только таит в себе возможность проникновения внутрь, в интимную глубину. Примерно этим же целям служил пролог в античном театре и в театре времен Шекспира. Проводя зрителя через пролог, автор отсекал его от повседневно текущего и вталкивал в мир объясняющихся символов. Поскольку на земле только «через человека есть выход в иной мир»², постольку «пролог» таит в себе возможность такого совместного с автором перехода. В наше время классический «пролог» почти повсеместно заменен занавесом, который, конечно же, использовал и театр времен Сталина. Но в театр Михаила Булгакова, так же как в театр Шекспира или Мольера, естественнее было проникнуть, переступив именно «пролог». Через «пролог» Булгаков пытался войти в сталинский мир. В 1939 году, когда могущество вождя достигло, казалось бы, немислимых высот, Сталин прочитал о себе пьесу Булгакова «Батум», начинавшуюся таким «прологом»: встреча «накоротке» с товарищем в зале Тифлисской духовной семинарии в 1898 году. Сталину около девятнадцати лет, но вся его судьба как отпечаток на ладони: «Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту цере-

монию, и под самыми колоннами цыганка встречается. «Дай погадаю, дай погадаю!» Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадают. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все! Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала – большой ты будешь человек! Безусловно стоит заплатить рубль»³. Здесь пролог – не предчувствие и не предсказание (чего уж там предсказывать, на дворе 1939 год!), а мгновенное сжатие несколькими фразами начала и конца судьбы «мастера от революции», «пастыря народов». Среди первоначальных булгаковских названий пьесы о Сталине были: «Мастер» и «Пастырь».

Пьеса «Батум» была запрещена лично Сталиным не только к постановке, но и к публикации. Но на другую пьесу Булгакова, «Дни Турбиных», он ходил пятнадцать раз, и, конечно, неспроста. Наверняка и Сталин посматривал на свою страну так же, как втайне любимый им мхатовский драматург и гениальный писатель смотрел на театральную сцену с зарождающимся в его душе спектаклем. Он видел эту сцену как бы сверху и со стороны, на которой, однако, даже давно убиенные или никогда не существовавшие лица внезапно самовоскрешаются и действуют помимо воли постановщика.

Лион Фейхтвангер, талантливо слепивший из эмоциональных археологических обломков и такой же ветоши целую галерею героев для собственного исторического театра, в том числе зыбкий лик Сталина образца 1937 года, не мог не отметить особое бездушное великолепие советского театра. «Сценические картины отличаются такой законченностью, какой мне нигде до сих пор не приходилось видеть, – писал он, – декорации, там, где это уместно, например, в опере или некоторых исторических пьесах, поражают своим расточительным великолепием». И все же, несмотря на масштабность и расточительность сталинского театра, «драмы у него нет» – жестко констатировал Фейхтвангер⁴. И это в то самое время, когда на подмостках Колонного зала Дома Союзов разыгрывалась очередная фантазийная драма под периодическим названием «Дело врагов народа», в которой сам Фейхтвангер, в соответствии с замыслом Сталина, играл роль зачарованного гостя и заморского очевидца. Хотя до приезда в Москву предшествующий политический процесс над Зиновьевым и Каменевым представлялся ему «какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством»⁵. Многие говорят о Сталине, в том числе наш известный драматург Эдвард Радзинский, как о ярком режиссере собственного политического театра и потому, как мне кажется, искренне ценившем талантливых мастеров лицедейства⁶. Все же Сталин как драматург и постановщик не так уж интересен. Все его политические спектакли кустарны и говорят о наивной, хотя и безудержной сценической фантазии автора. Но как актер, сыгравший с десяток уникальных ролей исторических героев, он будет не скоро превзойден на мировой политической сцене. В лицедействе он хорошо разбирался. И как истинный актер, он дико завидовал своим партнерам по сцене, в особенности Л.Д. Троцкому. В 1927 году Сталин завистливо и издевательски бросил в партийный «зрительный зал»: «Я думаю, что Троцкий не заслуживает такого большого внимания. (Голос с места: «Пра-

вильно!») Тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае»⁷.

Основная тема этой (и, дай бог, будущей) книги – подлинный образ героя, поверх которого – лики, маски и исторические личины И.В. Сталина как важнейшие составные части его авторской историософии. И все же, все же – история не театр и люди в ней не актеры!

Когда занавес падает, это значит, что главный герой, даже очень могущественный, бесповоротно мертв и возврат на ту же сцену, в том же исполнительском составе, в тот же зрительный зал и в ту же эпоху невозможен. И это несмотря на шумные рукоплескания современников и даже потомков, переходящие в овации, перекрывающие вопли и стоны. Невозможен, несмотря на здравницы и скандирования «бис!», то есть – «повторить!». Ах, как Сталин, один из главных героев, взобравшихся на сцену XX века, все это любил при жизни! И какое же это счастье, что как бы талантливо исторические героини ни лицедействовали, жизнь постоянно их обманывала – история никогда не будет театром, страна – сценой, а ее люди, сколько с ними ни репетируй, – талантливыми статистами. Прав замечательный философ Кьеркегор, считавший, что в жизни каждого из нас на каждом шагу подстерегают все новые и новые повторения, то есть воспоминания, позволяющие предвкушать будущее⁸. Но это в раскрытой жизни, в свершающемся, но еще не в свершенном, в личной судьбе, в начатом, но незавершенном труде и во всем том, что еще напряженно ожидает будущего. А человеческая история не предусматривает повторения, как и черновиков. Там все в первый и все в последний раз и – навеки.

Но так же как в городе или деревне мы не только входим, но и выходим из дома через те же самые двери подъезда или одни и те же сени, то и выскользнуть из сталинской эпохи, из его внутреннего мира можно также через «Пролог». Тому, кто не хочет себя затруднять кажущимся длительным переходом, советую сразу же открыть первую страницу первой главы. Дочитав книгу, можно будет выйти через тот же «Пролог», на символически возвратной стороне которого, как и положено в театре, загорается табличка: «Выход здесь», а в классической драме крупно отпечатано – «Эпилог». Но никому не запрещен вход и выход даже через «окно» или сквозь «стены» – многие начинают читать книгу чужой жизни там, где она сама раскроется перед ними или куда упрется пыливый глаз, нетерпеливо ищущий ответы на все и сразу.

Поэтому здесь «Пролог» – всего лишь момент перехода: за нами – настоящее с его открытым будущим, впереди – прошлое, навсегда вечное повторение.

О РОЛИ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ, БЕССТРАСТИЯ И БЕСПРИСТРАСТНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Вторую половину своей сознательной жизни Сталин думал о себе как об исторической личности исполинских масштабов. Анри Барбюс, мастер метафорической прозы, совершенно искренне писал о нем в 1935 году: «Во весь

свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это – самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире»⁹. И хотя еще не прогремела Вторая мировая война, после которой его странная фигура нависла уже не только над Европой и Азией, но и над всем остальным миром, Барбюс здесь во всем прав. До сих пор Сталин – один из самых знаменитых и в то же время один из самых неизведанных (именно так – «неизведанных») государственных деятелей в мире.

Не только Барбюс, но и большинство современников воспринимали Сталина как «гиганта», даже те, кто испытывал одновременно и ужас, и омерзение. Почти пятьдесят лет спустя после его смерти, когда страх, восхищение или ненависть притупились и перестали опьянять разум и душу, наступила пора разобраться и в масштабах, и в чувствах. Для современного российского историка, за плечами которого строгая школа эмпиризма, возвращенного на скудной почве сталинизма и его поздних модификациях, разговор о человеческом, о чувствах может показаться, по крайней мере, странным.

В исторической науке вялая бесстрастность так же губительна, как и отсутствие беспристрастия. Бесстрастность и беспристрастие – очень разные чувства, а их путают. Я человек и, будучи абсолютно беспристрастным по отношению к другому человеку, могу и должен испытывать как минимум несколько душевных состояний: любить, ненавидеть, быть равнодушным. Разумеется, взвешенное равнодушие – малопродуктивное чувство. В исторической науке, как и в любой другой, часто доминируют любопытство, профессиональный интерес и изощренное ремесло. Исторические труды, написанные из планового или системного интереса к своему объекту, обычно вызывают встречный интерес у коллег по специализации или у товарищей по цеху. Конечно же, ценность таких трудов неоспорима, так как во всем мире именно они пополняют многовековой объем профессионального знания. Но когда Николай Карамзин писал о своем герое Иване IV, его в первую очередь раздирали чувства историографа, открывшего эволюцию человека в зверя, а не взвешенное любопытство стороннего наблюдателя иной эпохи. Когда древнекитайский историк Сыма Цянь с невыразимой печалью так поведал об удачливом, жесточайшем императоре Цинь Шихуанди, что, внимая ему спустя тысячелетия, и сейчас задыхаешься в тех же рвах, в которых живьем закапывали ученых мужей Поднебесной. Когда греко-римлянин Арриан, горячась, рассказывал о делах и днях македонского царя Александра Великого, жившего за несколько столетий до историка, когда Светоний и Тацит со сдержанным гневом писали о канувших в Лету ритуально-развратных древнеримских императорах, Теодор Моммзен с расчетливым восхищением – о «совершеннейшем» Цезаре, Сергей Соловьев – о Петре I, евангелист Матфей с тоской и надеждой – о неразделенной трагедии Иисуса из Назарета, всеми ими овладевали такие же страстные и противоречивые чувства, какие испытывали при жизни их столь разные герои.

Нас, россиян, европейцы часто упрекают в инфантильной эмоциональности, которая, как им кажется, особенно проявляется в языке, в слове, в интонации. В свою очередь, многие россияне считают преувеличенно эмоци-